

Это был высокий и холодный мужчина, выглядевший на тридцать с небольшим, а может, на сорок? Хань Сю колебался, ведь ощущение возраста исходило от глубокой, даже мрачной ауры этого человека, а не от его молодого и привлекательного лица. Он был настолько высок, что дверь камеры казалась для него слишком низкой, и, войдя внутрь, он выпрямился. Его скромный черный плащ должен был сделать его малозаметным, но он привлек все внимание Хань Сю, который наблюдал, как мужчина осматривал помещение, пока его холодный, пронизательный взгляд не остановился на нем.

Король, сохранявший спокойствие и даже осмелившийся смотреть на него прямо, вызвал у мужчины легкое удивление, но его лицо оставалось неподвижным, без тени эмоций. Он слегка кивнул и произнес:

— Ваше Величество, вы выглядите неплохо.

Эти слова словно стали спусковым крючком для королевы, которая внезапно разразилась громкими рыданиями. Она бросилась к Хань Сю, но тот быстро встал, избегая её попыток утешить. Не сумев обнять его, королева оперлась на служанку и, заливаясь слезами, начала жаловаться на несчастную судьбу своего мужа, себя и всё, что их постигло.

— О, Насси... Я не могу поверить! Когда Хоффман сообщил мне эту новость, я чуть не лишилась чувств, дорогой... Как эти бунтовщики посмели! Как они посмели так обращаться с их королем! Есть ли в их глазах закон? О, Боже, Боже! Бедный маленький Насси, мой малыш, ты даже не представляешь, на что они способны... Эта убогая камера... О, я сейчас упаду в обморок...

Плач королевы был громким и пронзительным, словно она намеренно сжимала горло, её слова были бессвязными и лишёнными логики, что делало их раздражающими, особенно для Хань Сю, который с утра не выпил ни капли воды.

Ему было совершенно неинтересно общаться с этой так называемой женой. Если честно, больше всего его раздражали не все эти проблемы, а бесчисленные женщины этого тела. Он был рад, что оказался в шестнадцатилетнем возрасте, а не в двадцати восьми, когда тот уже полностью погряз в разврате.

Сейчас он не хотел тратить ни капли энергии на свою номинальную супругу. Его взгляд был полностью поглощен мужчиной перед ним. Можно сказать, он был заморожен, погрузившись в водоворот его глаз. Этот мужчина был высоким, сам Хань Сю был не ниже ста семидесяти восьми сантиметров, но тот всё же был на голову выше, вероятно, около ста девяноста. Он смотрел на Хань Сю сверху вниз, и их взгляды встретились в воздухе.

Конечно, истерика королевы не была полностью бесполезной, по крайней мере, одно имя привлекло внимание Хань Сю.

— Хоффман? — с сомнением произнес он.

Это имя в истории принадлежало архиепископу Норы. На самом деле, за кажущейся беззаботностью Нассиса скрывалась борьба между канцлером, возглавлявшим знать, и Хоффманом, представлявшим церковь. Он помнил, что Чжоу Тяньтянь очень боялась Хоффмана, потому что в оригинальной истории именно он позже заключил союз с купцами и привлек знать, в результате чего все трое объединились и погубили Оскара. Почему-то, глядя на этого мужчину, Хань Сю почувствовал, что это должен быть тот самый архиепископ, уровень босса.

— Да, Ваше Величество, — ответил Хоффман, его взгляд был слегка изучающим, но не

вызывающим отторжения. Хань Сю почувствовал, что его отношение к нему изменилось: от легкомысленного и пренебрежительного при входе до серьезного и уважительного.

Да, разве изначальный Нассис не был марионеткой, которой Хоффман мог манипулировать как угодно? С марионеткой, конечно, не нужно было быть слишком серьезным.

Довольный тем, что его поведение заставило этого мужчину проявить уважение, Хань Сю спросил:

— Есть ли вода?

Да, первое предложение было не о ситуации снаружи, не о выражении гнева, а о том, что он действительно хотел пить.

Это тело только начинало практиковать культивацию и ещё далеко не достигло уровня, когда можно обходиться без пищи. Он проснулся рано утром, не позавтракал, был схвачен и до сих пор не выпил ни капли воды.

В глазах Хоффмана мелькнула тень улыбки:

— Думаю, миссис Макферсон уже приготовила для вас воду.

Его взгляд не изменился, он по-прежнему смотрел на юного короля.

Пока Хань Сю пил, Хоффман с любопытством разглядывал короля, который, похоже, сильно изменился за последние несколько дней. Изменения? Да, конечно, они были огромными! Вспомнив, как накануне кто-то с насмешкой говорил о том, как король вел себя в очереди, он понял, что эти изменения произошли именно за время заключения.

Когда он вошел, его внимание привлек юноша, сидящий на полу со скрещенными ногами. Он не понимал почему! Лицо осталось тем же, но он чувствовал, что что-то изменилось, что-то знакомое, но в то же время чуждое. Те мутные, глупые глаза стали ясными и яркими, даже в темной камере они легко притягивали его внимание. Он был поражен и, осматриваясь по сторонам, украдкой разглядывал юношу. Он всё еще был бледным, одетым в просторную рубашку и брюки, его взгляд невольно зацепился за длинные пальцы, изящные ключицы, а затем остановился на лице, на его прямом, ясном взгляде.

Когда их взгляды встретились, Хоффман ясно осознал, что его привлек этот бестолковый, бесхарактерный, безвольный маленький король. Всего один взгляд, и он почувствовал, как его тело пронзило электричество.

Юный король повернулся и оттолкнул чашу с вином, которую служанка поднесла ему. Да, кто бы пришел в тюрьму навестить кого-то без обильной еды и вина? Он прямо взял бутылку дорогого вина, и темно-красная жидкость потекла из горлышка, не касаясь его сухих губ. Он открыл рот, умело глотая.

Для Хань Сю западное красное вино, каким бы дорогим оно ни было, было всего лишь виноградной водой с алкоголем. В данный момент эта бутылка, возмозжно, стоившая целое состояние, единственным своим назначением имела утоление жажды.

Это действие можно было назвать грубым, что заставило служанку и королеву остолбенеть. Однако Хоффман, молча наблюдавший за происходящим, неосознанно смотрел на каждое движение юноши с жадностью. Он почувствовал, что его губы тоже стали сухими, как будто он

тоже испытывал жажду. Его взгляд скользнул по губам, окрашенным вином, маленькому кадыку, медленно опустился ниже и вдруг заметил, что ноги юного короля босы и стоят на соломе. На его теле были следы соломинок, но это не выглядело грязно. Эти ноги, которые, казалось, Хоффман мог бы обхватить руками, были белыми, как будто светились. Маленькие пальцы ног, казалось, почувствовали его взгляд и слегка пошевелились.

Выпив залпом большую часть бутылки, Хань Сю небрежно облизал уголки губ, что снова заставило глаза Хоффмана потемнеть. Крепость вина была не низкой, и после такого количества алкоголя тело сразу же отреагировало: на щеках появился румянец, уши покраснели.

— О, бедный Насси... Они что, даже воды тебе не дали?! Эти бунтовщики! Они обязательно понесут наказание от Бога... Бедный маленький Насси, ты, должно быть, в шоке, я не могу поверить, что вижу это своими глазами... О, Боже!.. — Пронзительный голос королевы продолжал болтать без умолку.

Нападающий наконец-то появился, это, пожалуй, самое позднее его появление на данный момент.

Хотелось написать типичного альфа-самца, ну, как Цезаря Борджиа: «Не быть Цезарем — значит быть ничем». Что касается Хоффмана, который стал архиепископом в возрасте до тридцати лет (да, я не хочу снова рисковать с разницей в возрасте между дядюшкой и юношей), в этом не должно быть сомнений; в конце концов, Цезарь стал кардиналом в восемнадцать лет, и по сравнению с такой откровенной темной стороной, то, что Хоффман стал региональным архиепископом, — это вообще ерунда... так ведь?

Конечно, из-за моего мастерства пера я могу лишь стараться изо всех сил; как и обычно, хотя Нападающий будет полон амбиций, он всё равно останется извращенцем с сердцем Тедди, надеюсь, я смогу написать это хорошо.

<http://bllate.org/book/17715/1655471>